

ОБЪЯСНЕНИЕ СИЛЫ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ

В. КРЫСТЕВ¹⁾¹⁾Экономический университет Варны, бул. Князя Бориса I, 77, 9002, г. Варна, Болгария

Аннотация. Объясняется сила в геополитике как области знания. Освещаются основные концептуальные и тематические категории геополитического анализа: пространство, власть и сила; факторы накопления власти с созданием силовых полей, поляризующих пространство; субъекты геополитики и вытекающие из них процессы соперничества, экспансии и доминирования. Среди измерений силы, выражающих весомость геополитических субъектов, особое внимание уделяется «мягкой силе» в контексте критической геополитики. В семантическом плане «мягкая сила» несет черты символического и образного значения, представляя собой основной нематериальный капитал субъектов для достижения доминирования и конкурентоспособности. Отстаивается тезис о том, что геополитика как метод направлена на пространственное выявление форм власти и силы у территориально-политических, экономических и институциональных субъектов с относительной континуальностью во времени. Роль информационного воздействия ослабляет законы геополитической зависимости, считающиеся аксиоматическими (с классического и постклассического периодов), и увеличивает значимость нематериальных атрибутов географического пространства в процессе накопления силы. В рамках этого нового постмодернистского течения в геополитике пространство рассматривается не через призму объективности (площадь, конфигурация, географическое положение, границы), а с точки зрения представления в общественном сознании. Проводится дедуктивный и сравнительный дискурс-анализ. Исследовательский фокус таких геополитических вопросов определяется взглядом на пространство, который выдвигает на первый план значимость социально-психологических факторов (символов, стереотипов, идентичностей, образов) в конкуренции за глобальное или региональное господство. Данная особенность обусловливается отслеживанием тенденций в поведении геополитических субъектов и закономерностей проявления факторов достижения власти. Из-за латентных процессов и не реализованных в истории возможностей объяснение в геополитике не всегда однозначно. Его нельзя грубо шаблонизировать и сводить к упрощенным трактовкам со времен классического периода. Объяснение в геополитике также требует диалектики, а на ее основе – гипотез, сценариев и прогнозов.

Ключевые слова: геополитика; власть; сила; пространство; экспансия; геополитический образ; критическая геополитика.

EXPLANATION OF FORCE IN MODERN GEOPOLITICS

V. KRASTEV^a^aUniversity of Economics – Varna, 77 Knyaz Boris I Boulevard, Varna 9002, Bulgaria

Abstract. The article is devoted to the explanation in geopolitics as a matter of knowledge. Basic conceptual and geopolitical analysis categories: space, power and force; the factors of accumulating power with the creation of force fields polarising space; the actors of geopolitics as well as the resulting processes of rivalry, expansion and dominance are presented. Among the dimensions of force expressing the weight of geopolitical subjects, special attention is given to «soft power» in the context of critical geopolitics. In semantic terms, «soft power» carries features of symbolic and figurative meaning, representing the main intangible capital of the subjects to achieve dominance and competitiveness. The thesis that geopolitics as a method aims at spatially identifying the forms of power and force from territorial-political, economic and institutional entities with relative continuity over time is defended. The role of information influence weakens the laws of geopolitical

Образец цитирования:

Крыстев В. Объяснение силы в современной геополитике. Журнал Белорусского государственного университета. География. Геология. 2025;2:65–73.
EDN: NXLUSR

For citation:

Krastev V. Explanation of force in modern geopolitics. *Journal of the Belarusian State University. Geography and Geology.* 2025;2:65–73. Russian.
EDN: NXLUSR

Автор:

Вилиян Крыстев – доктор социальных наук, кандидат географических наук; доцент кафедры экономики и организации туризма факультета менеджмента.

Author:

Viliyan Krastev, doctor of science (social sciences), PhD (geography); associate professor at the department of economics and organisation of tourism, faculty of management.
viliyank@ue-varna.bg
<https://orcid.org/0000-0001-5456-247X>

dependence considered axiomatic (from the classical and modern periods) and increases the importance of the intangible attributes of geographical space in the process of accumulating force. This new postmodern trend in geopolitics views space not through the prism of its objectivity (area, configuration, geographical location, borders), from the point of view of its representation in the public consciousness. Deductive and comparative discourse analysis is carried out. The research focus of such geopolitical issues is determined by the view of space, which brings to the fore the importance of socio-psychological factors (symbols, stereotypes, identities, images) in the competition for global or regional supremacy. This feature is determined by tracking trends in the behaviour of geopolitical actors and regularities in the manifestation of the factors for achieving power. Due to latent processes and opportunities not realised in history, the explanation in geopolitics is not always unambiguous. It cannot be crudely patterned and reduced to simplistic interpretations from the time of the classical period. The explanation in geopolitics also is required dialectics, and on its basis – hypotheses, scenarios and forecasts.

Keywords: geopolitics; power; force; space; expansion; geopolitical image; critical geopolitics.

Постановка проблемы

Вряд ли можно найти какую-либо другую область знаний, которая за свою сравнительно короткую историю вызвала бы такой большой восторг, а затем разочарование, неприязнь и снова восторг, как геополитика. Ее бурное и противоречивое прошлое (статус всеобъясняющей науки, лженауки¹, «компаса» политической ориентации) продиктовано непрерывным стремлением людей к освоению земного пространства и господству над ним. Зарекомендовав себя как благодатная почва для проектирования разного рода пространственных стратегий, которые перерастают в модели геоструктурной формы политической реальности, геополитика становится привязанной к национальным и корпоративным интересам главных представителей власти (государств и коалиций) в их стремлении к территориальной экспансии.

Сегодня геополитика стала неотъемлемой частью повседневной жизни человека. Как знание и способ решения проблем силового и конфликтного характера, она присутствует везде: в университетских выступлениях, научных публикациях, журналистских эссе, комментариях средств массовой информации и т. д. Однако во многих случаях ее содержание трактуется легкомысленно, неуместно и даже неправильно, что создает путаницу в отношении сути и объяснительного подхода к анализу. Те, кто осмеливаются использовать геополитику как аналитический инструмент, но не понимают ее значения, ошибаются, что она является инвариантом внешней политики и международных отношений стран. В этом состоит одна из причин некорректного обращения к вопросам дипломатии и историческим закономерностям международного поведения государств и коалиций. Также вводящей в заблуждение практикой (особенно при распутывании вопросов, затрагивающих национальные или региональные интересы) является вовлечение геополитики в ностальгию по былому величию определенных стран и народов, их идеологическим стереотипам, стремлениям или неприязни к ним. В таких случаях эмоциональный подход превращает геополитику в субъективную материю, пронизанную спекулятивными интерпретациями и предсказаниями.

В качестве объяснительного метода геополитика не ставит перед собой задачу показывать или доказывать, кто является хорошим, а кто – плохим, кто имеет право, а кто нет. Потенциал и властные отношения между выражающими его субъектами анализируются без компромиссов и соображений ценностного характера. Освобождение от идеологических предрассудков и субъективных представлений способствует объективному пониманию знаний о геополитике. Цель настоящего исследования – конкретизировать геополитику как аналитическую материю в качестве объективного метода познания с акцентом на измерение силы.

Пространство и власть

Термин «геополитика» происходит от следующих греческих слов: γῆ – земля и πολιτική – политика. Логично, что земля относится к содержанию всего определяющего уникальность мест, а политика – к формам ассоциированной жизни, изначально относящимся к городу (πόλις) и впоследствии к организации государства как главного носителя власти. Часть «гео» связана с различными способами идентификации, при применении которых «география влияет на человеческую деятельность»² [5, р. 9–10], т. е. на структуру политической жизни (способы территориального контроля, адекватные модели управления и др.), социальное поведение, склонности субъектов к территориальной экспансии и т. д. Это обстоятельство делает формы политической жизни с накопленной властью разнообразными, но подверженными постоянной трансформации.

Геополитика, рассматриваемая как научное направление, идеология или практическая деятельность (геостратегия), неразрывно связана с категорией пространства. Среди известных в науке разновидностей

¹Особенно неприятен период нацистского и фашистского прошлого геополитики в Германии и Италии (1920–40-е гг.), когда она стала инструментом экспансионистских устремлений нацистской доктрины. После разгрома Третьего рейха токсичность нацизма явилась предлогом для объявления геополитики лженаукой, оккупационной доктриной, расистской идеологией, интеллектуальным ядом, а сам термин долго был табуированным в научных и общественных кругах [1–5].

²Здесь и далее перевод наш. – В. К.

пространства (философское, географическое, геологическое, математическое, астрономическое, психологическое пространство и др.) геополитика оперирует географическим пространством. Будучи вместилищем времени и материи, оно является специализированным, функциональным и тесно связанным с земной поверхностью пространством. Через это пространство геополитика выражает свою предметно-проблемную сущность концептуального синтеза с «недвусмысленной ссылкой на роль географии в политике»³.

Несмотря на то что геополитика сопровождает историю субъектов власти на пути освоения и доминирования в пространстве с самого зарождения человечества, ее появление как области знания было отмечено лишь в конце XIX – начале XX в. в трудах немецкого географа Ф. Ратцеля и шведского политолога Р. Челлена. Функция геополитики как объяснительного инструмента сводилась к изучению географических (преимущественно физико-географических) факторов определенного пространства, диктующих политические характеристики государств и их отношения с внешним миром. Однако значение географии меняется под влиянием человеческой деятельности. Различные способы освоения и организации определяют специфику пространства, поэтому в настоящее время геополитика понимается как «политический анализ, связанный с географией во всех ее измерениях» [6, р. 45].

Геополитика как процесс направлена на накопление и применение власти и силы на пути доминирования и экспансии. Понимание власти относится к способностям к действию и ко всему, что есть или что можно приобрести. Следствием этого обстоятельства является достижение определенной формы подчинения. Частным ориентиром при объяснении рассматриваемого термина обычно служат законодательная, исполнительная и судебная ветви власти государства, свидетельствующие о «возможностях создания, реализации и исполнения законов, с помощью которых достигается система подчинения» [7, р. 641]. Однако власть относительна. Исходящая от государства власть имеет гораздо более сложное происхождение. Категория силы создает формы поляризации, которые придают разный вес территориально-политическим образованиям, выражающим ее. Власть и сила являются функцией разнообразных компонентов материальной и нематериальной природы, что делает их многомерными и условными.

Накопленная в пространстве власть и концентрация силы могут быть следствием специфики географического положения, демографических или природных ресурсов, экономического или военного потенциала, а также характера коммуникаций, особенностей управления информационными потоками, культурной энергетики, престижа институтов, репутации или доверия субъектов власти в их взаимодействии с внешним миром. Последние нематериальные атрибуты относятся к ощущению пространства как отражение отложенной на него истории и культуры. Вот почему сила пространства определяется не только его объективно структурированными элементами, но и отложенной на него социокультурной тканью, придающей историческую инерцию и психологическую принадлежность (сильное или слабое, безопасное или небезопасное, близкое или далекое, центральное или периферийное, родственное или чужое и т. д.) [8; 9].

Из силового порядка географического пространства выводятся базовые понятия, выражающие геополитику в аналитическом дискурсе: геополитическое поле, стратегические точки, геополитические интересы, геополитическая конкуренция (геополитическое соперничество), геополитическая экспансия, геополитический узел, буферная зона, пояс безопасности, санитарный кордон. Более того, эти категории относятся к вариациям в характере, сложности и масштабах передачи власти над географическим пространством.

Различия в отложенном властном потенциале создают предпосылки для поляризации и субординации в распределении власти на разных пространственных уровнях (от локального до глобального). В зависимости от их потенциала и преследуемых интересов геополитические субъекты, властвующие над определенными пространствами, позиционируют себя как глобальные, региональные или локальные центры силы. Пространства, аккумулирующие властную энергию высшего (планетарного) ранга, традиционно представлены великой державой (США, Россия, Китай) или наднациональным объединением (НАТО, ЕС, БРИКС, ШОС и др.). В совокупности они определяют содержание так называемых больших пространств [10], структурирующих геополитический баланс сил на глобальном уровне.

В соответствии со значением региональных и местных геополитических систем геополитика понимается не только как внешний (экспорт влияния на международном уровне), но и как «внутренний пространственный порядок и устройство государства во всех смыслах» [11, с. 92]. В некоторых странах Латинской Америки геополитика даже считается синонимом политики регионального развития⁴. С ориентацией на более низкий таксономический уровень внутренняя геополитика направлена на оптимизацию пространства как стратегического инструмента накопления власти, а также на повышение его конкурентоспособности. С точки зрения масштаба такая геополитика не отрицает глобальные центры силы, а перенаправляет внимание на изучение потенциала и поведения выражающих ее региональных и локальных геополитических образований: экономических и этнических регионов, агломераций, полюсов инновационного роста и т. д. Подобные обстоятельства свидетельствуют о том, что мир представляет собой пространство множества центров силы, которые имеют свою геополитику, подчиненную интересам

³Желтов В. В., Желтов М. В. Геополитика: история и теория. М.: Вуз. учеб., 2009. С. 34.

⁴Геополитика. Терминологический справочник / сост. М. Бъчваров. София: Петексон, 1999. С. 100.

и экспансивным возможностям. В соответствии с их ролью в конкуренции за пространственные ресурсы геополитический анализ разворачивается на глобальном, региональном и национальном уровнях межсубъектного или субъектно-объектного взаимодействия.

Модели социальной организации и используемые технологические средства, свойственные определенным историческим периодам, оказывают масштабное влияние на пространственное поведение геополитических субъектов. Меняющийся характер власти и силы над пространством в его взаимодействии с внешним миром отражается в последовательной смене научных парадигм⁵. Они отмечают тенденциозную зависимость представлений о геополитической ориентации пространства, его освоении и организации от национально-государственной, идеологической, геоэкономической, цивилизационно-информационной парадигмы.

Национально-государственная парадигма присуща классической геополитике конца XIX – середины XX в. Согласно ей сила пространства структурно обусловлена географическими (прежде всего физико-географическими) факторами. Среди них в качестве центральной категории выделяется географическое положение, на основе которого предопределяющее значение придается статусу и поведению субъектов, выражающих пространство, в их связи с внешним миром. Для классической геополитики характерно взаимодействие с абсолютным пространством. Такое пространство подчинено связям между геотерией (пространство в его земных, подземных и надземных составляющих) и обществом, что подчеркивает его «материальное овеществление» [12, р. 12]. Установление характера пространства осуществляется на основе структуралистского подхода посредством конвенциональной интерпретации его составных элементов (границы, конфигурации, сегментации, географического положения), энтропии и эластичности с точки зрения внутренней неоднородности. На более позднем этапе геополитика была ознаменована глобальными моделями в качестве геостратегии. Грубый географический детерминизм насаждался на бинарных оппозициях *суша – море (теллуократы – талассократы)*, *восток – запад (традиционализм – модернизм)*, *север – юг (богатые – бедные)*, *центр – периферия (хартленд – римленд)*. Физические особенности пространства усугублялись догматом географического детерминизма, который определял взаимодействие между географией и политикой, опираясь на подчиненную пространственную нормативную константу [13]. В форме моделей геополитика стала руководством по структурированию глобального порядка, предполагала использование упрощенных географических интерпретаций пространства, отягощенных субъективизмом.

В рамках идеологической и геоэкономической парадигм, характерных для постклассической (ревизионистской или модернистской) волны в геополитике (во второй половине XX в.), рассматриваются возможности пространства для аккумуляции власти через особенности его общественно-политической ориентации. Абсолютное пространство также занимает лидирующие позиции в геополитике идеологического и экономического дискурсов холодной войны. В постклассический период в отличие от классического периода структурное измерение геополитического потенциала пространства сместилось с естественных факторов на социальные (экономика, культура, демография, транспорт, технологические и информационные ресурсы) [13]. Характерной чертой такого концептуального видения пространства являлось главенство политических институтов, альянсов и экономических механизмов пространственной организации.

Цивилизационная парадигма, вытекающая из социокультурной принадлежности и структурированности пространства, берет начало в предыстории геополитического знания XIX в. (в трудах Н. Я. Данилевского). Впоследствии она нашла широкое развитие в работах западных историков XX в. (П. А. Сорокина, О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Броделя), представителей геополитической идеологии русского евразийства (П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого, П. М. Бицилли, Л. П. Карсавина, Л. Н. Гумилёва, А. Г. Дугина и др.), а также в концепции о столкновении цивилизаций, принадлежащей С. Хантингтону [14].

Информационная парадигма, возникшая в конце 1980-х гг., предопределена ролью новых технологий в коммуникациях и масштабным влиянием СМИ на геополитические представления. Для нее определяющим является видение пространства, выражаемое разного рода субъектами в процессе геополитического взаимодействия. Это новейшее постмодернистское течение геополитической мысли продиктовано информационно-психологической революцией цифровых технологий. Структурализм, основанный на изучении пространства как комплекса материальных форм, постепенно уступает место постструктурализму. Последний опирается на восприятие пространства, которое меняется в зависимости от социальной практики [15; 16]. В постструктуралистском ракурсе пространство является продуктом сознания и воображения, полученным посредством символизации дискурсов и образов как «отражение исторической памяти общества» [17, р. 50]. Данные субъективные особенности преобразуют пространство в форму ментальной конструкции, что приводит к его классификации как относительного или переходного пространства [12; 18]. В результате взаимодействия с другими пространствами относительное пространство сильно изменяется во времени. С точки зрения накопленной силы оно является направленным на овладение умами людей для того, чтобы доминировать над их субъективными (перцептивными, образными, смысловыми) представлениями.

⁵Василенко И. А. Геополитика современного мира : учеб. для вузов. М. : Гардарики, 2006. 317 с.

Вследствие накопления власти и силы в пространстве в предметный фокус геополитики попадает широкий спектр процессов и явлений: межгосударственные отношения, политическая, экономическая и культурная экспансия, зависимость (подчинение), соперничество за сферы влияния, делимитация и регулирование границ, борьба за независимость народов и их проекция в пространстве, сепаратизм, этнорелигиозные конфликты, интеграция и дезинтеграция, политические формы территориального управления и самоуправления, электоральные конфликты и т. д.

Субъекты геополитики

Традиционными субъектами геополитики являются территориально-политические образования: коалиции, государства, агломерации, города, административные, культурные и экономические регионы. Государства имеют первостепенное значение, поскольку они обладают внутренней и внешней независимостью от занимаемого пространства. Их размеры и конфигурация обозначаются границами, свидетельствующими о распространении государственной власти, и являются прямым выражением ее силы и (или) слабости в процессе территориальной консолидации. Геополитический «скелет» формируется географическим положением; размером и конфигурацией занимаемого пространства; характером границ; рельефом, климатическими особенностями и преобладающим типом природных ландшафтов; демографическим профилем; обеспеченностью ресурсами; культурным и экономическим потенциалом; оборонительными способностями; геополитическим образом. Для сплоченности государства как геополитического субъекта фундаментальное значение имеет его возможность осуществлять власть над занимаемым пространством, населением и ресурсами, создавая эффект сцепления для последующего культурного, экономического и военного подъема [19, р. 31].

Экспансивная функция государств имеет различный характер и подчиняется разным целям: обеспечению безопасности, расширению территории до естественных пределов, решению национальных вопросов этнической и культурной идентичности, осуществлению реваншизма и удовлетворению экономических потребностей. Государства, выдвигающие свои претензии путем экспорта влияния и форм подчинения внешнему миру, являются важнейшим действующим фактором геополитики и выступают в роли ее субъектов. На планетарном уровне таким государством представляются США с амбициями на глобальное лидерство, о чем свидетельствуют американское военное присутствие в мире, наличие рычагов международного финансового контроля (МВФ, Всемирный банк), влияние американской культуры, поддержка экономического либерализма, укрепление универсального статуса английского языка. Также геополитическими субъектами являются Россия, Китай, Великобритания, Франция, Турция и Израиль, переменный силовой потенциал и экспансивные возможности которых придают им статус глобальных или региональных геополитических держав. Более слабые и подверженные разного рода внешней зависимости страны в большинстве случаев являются лишенными геополитической субъектности и участвуют в качестве объектов геополитики (реципиентов влияния). Однако в современном мире глобальной взаимозависимости межсубъектные и субъект-объектные отношения геополитического характера между государствами создают ситуации динамического равновесия интересов и взаимного воздействия, отличающиеся сложной иерархией в процессе пространственного размещения силы.

Многогранный характер конкуренции за влияние, экспансионистские амбиции и баланс внешнего влияния побуждают государства образовывать коалиции. Разделение общих интересов на интеграционной основе создает условия для возникновения наднациональных геополитических структур. Таковыми являются военные альянсы (НАТО, ОДКБ), экономические союзы (ЕС, НАФТА, АСЕАН, БРИКС), организации регулирования и безопасности (ОБСЕ, ШОС), организации картельного типа (ОПЕК). В них распределение власти носит дифференцированный характер и подчиняется интересам государств-членов. Однако различный геополитический потенциал стран, участвующих в коалиционных структурах, создает условия для внутреннего подчинения и зависимости, выявляя весомость государственных образований: потенциал и влияние США в НАТО, России в ОДКБ, Германии и Франции в ЕС, России и Китая в ШОС, Великобритании в Содружестве наций и т. д.

Территориальная концентрация преимущественно экономических ресурсов определяет доминирующую роль отдельных агломераций, городов и регионов как движущих сил международной конкурентоспособности. Некоторые из них участвуют в мировой геополитике в качестве значимых субъектов с чрезмерной концентрацией элитных демографических ресурсов, структур международного управления, инновационного потенциала, финансовых и коммуникационных возможностей [20]. На основе этих сил формируется открытая внешнему миру сетевая структура информационных и экономических потоков, которая поляризует пространство, прямо или косвенно влияя на мир (например, Кремниевая долина в США, Рейнско-Рурская агломерация в Германии, глобальные города ранга Нью-Йорка, Лондона, Токио, Парижа, Шанхая, Сингапура и т. д.).

Помимо территориально-политических образований, среди геополитических субъектов все большее влияние приобретают транснациональные корпорации (ТНК), финансовые институты (МВФ,

Всемирный банк), влиятельные фонды (фонд «Открытое общество»), религиозные движения (церкви, секты), политические круги (Трехсторонняя комиссия, Бильдербергский клуб, политические партии), этнокультурные сообщества, неправительственные организации (Всемирная туристская организация, организация «Гринпис»), преступные группировки. Особым геополитическим весом обладают ТНК, воздействие которых проецируется на мировое пространство. Ускоренный процесс глобализации с конца 1980-х гг. под влиянием информационной и кибернетической революции в технологиях создает условия для постоянного углубления планетарной взаимозависимости стран и регионов в экономической сфере. Последняя определяется финансовыми, технологическими и информационными потоками, в основе которых лежат транснациональные структуры корпоративного характера. ТНК являются главными агентами глобализации и создают «соединительную ткань» мировой экономики [3, р. 90].

Доминирование ТНК на международном рынке связано с использованием экономических механизмов в конкуренции за влияние, что ослабляет значение природных факторов за счет информации, технологий и новых экономических продуктов. В совокупности они ускоряют формы соподчинения и зависимости между странами и регионами, что отражается на военном потенциале и сфере безопасности. Посредством внутрифирменного обмена (через филиалы, дочерние компании и франчайзинговых партнеров) ТНК создают глобальные рыночные условия, которые сами по себе жестко регулируются. Достигая горизонтальной и вертикальной интеграции в своих структурах, транснациональные образования управляют огромным финансовым и инновационным потенциалом, влияние которого через сеть инвестиционных и производственных механизмов подчиняет себе регионы, отдельные страны и города. Концентрация богатства в распоряжении ТНК и связанных с ними экономических элит приводит к своеобразной корпоратизации мировой геополитики [5, р. 73].

Под влиянием вызовов глобализации суверенные государства инициируют партнерское сотрудничество с национальными по происхождению ТНК, итоговый эффект которых отражается на объеме их геополитических функций. Сотрудничество обычно принимает форму лоббирования и продвижения интересов, которые являются взаимовыгодными и повышают способность стран оказывать геополитическое воздействие, а также возможности ТНК координировать и направлять политику стран. Например, геокультурное влияние США неразрывно связано с деятельностью ТНК «Кока-Кола», «Макдоналдс», «Уолт Дисней» и «Эппл», а геоэкономическое влияние России – с ТНК энергетического сектора «Газпром», «Роснефть», «Лукойл», «Татнефть». Такой процесс рассматривается как адекватная реакция государств на всевозрастающее давление на них со стороны агентов глобализации, способствующей поддержанию более высокой жизненной адаптации, гибкости и эффективности. В связи с этим сильное современное государство измеряется условиями, «при которых у национальных компаний возникнут преимущества в глобальной экономике» [21, с. 117].

Формы соперничества и интеграции, а также характер экспансии дают основание воспринимать современную геополитику как пространственную систему множества разнородных субъектов власти и силы, многогранно взаимодействующих между собой. Экстраполяция их влияния на геопространство создает сложные ситуации сотрудничества, конкуренции и подчинения.

Критическая геополитика. Новая концептуализация силы

Понимание геополитики через социальные и культурные значения пространства дает импульс критической геополитики. Ее появление как направления в англо-американской политической географии в начале 1990-х гг. связано с именами С. Делби [22; 23], Дж. О. О'Тоала и Дж. Энью [24]. Объяснение в критической геополитике сразу после окончания холодной войны продиктовано возросшим влиянием информационных технологий, СМИ и идей культурного плюрализма на представления о пространствах и их аккумулированной силе. Последняя базируется на идеализированных сегментах (дискурсах, образах, нарративах), сопровождающихся относительными оценками ее проявления под влиянием процессов сотрудничества, конкуренции и зависимостей между разными типами геополитических субъектов.

В современном информационно-технологическом мире критическая геополитика дает адекватные возможности для понимания проблем сложной природы. Геополитические представления о пространстве раскрывают двусмысленность, гибридность, одновременность, транснациональность и неопределенность современной реальности [25]. Развивающаяся на такой плоскости критическая геополитика ориентирована на интерпретацию пространства постмодерна, появившегося из информационных потоков и кибернетики. В общественном сознании этот процесс сопровождается культивированием чувств, мифов, иррациональности, аморфности пространства, которые кристаллизуются в виде характеризующих его геополитических образов. Субъективный политический взгляд на пространство используется в качестве основного ориентира, выражающего его нарративами, символами и образами (под влиянием личного опыта, СМИ, рекламы, медиапродукции, массовой культуры и т. д.) в отношении политического веса и привлекательности пространства. Этот процесс связан с производством значений сквозь призму социально структурированного дискурса в форме набора пространственных знаков, языковых и культурных норм [13, с. 26].

В методологическом плане критическая геополитика базируется на постструктуралистском (идеализированном) видении пространства с качественно новым отражением посредством социальных подходов и методов прогнозирования региональных и глобальных процессов [24; 26; 27]. В основе такой методологии лежит дискурсивный анализ как основной интерпретационный прием исследования общественного отношения к пространству. Это понимание сопровождается анализом истории, культуры, общественных коммуникаций для изучения идентичности, нарративного и стереотипного видения пространства, а также его метафорическим обозначением и политическим брендингом. Дискурсы и образы (речь или текст) придают значение и смысл влиянию, поведению, статусу и функциям геополитических субъектов. Например, эксплуатируются образы Евразии для России и неоосманизма для Турции, однозначно повышающие геополитический статус пространств. Их эффективное продвижение путем накопления силы над пространством известно как геократия [28]. В государственной или региональной политике образы и дискурсы становятся средствами достижения политических и экономических выгод главным образом за счет накопления «мягкой силы».

Как сложный и неоднородный атрибут, сила любого пространства состоит из абсолютной («жесткой») и относительной («мягкой») составляющих. Абсолютные параметры силы пространства сводятся к его территории, природным ресурсам, демографическому, экономическому и стратегическому потенциалу. Их физические характеристики возможно довольно легко оценить и сопоставить. Относительный потенциал силы влияет на присутствие, доверие, надежность, лидерские способности, привлекательность, культурное и идеологическое воздействие субъектов, выражающих пространство. Последние «мягкие ингредиенты» выдвигают на первый план психологические средства силы за счет материальных средств силы, с помощью которых субъекты геополитики приобретают геополитический образ. На основе стереотипной формализации образы создают суждение об ощущении их силы, составляющей неотъемлемую часть их геополитического потенциала.

Набирающий широкую популярность в современном геополитическом дискурсе термин «мягкая сила», введенный американским политологом Дж. Наем, является отражением активности разных типов субъектов при обретении влияния посредством привлечения, убеждения и престижа. В семантическом смысле «мягкая сила» несет в себе черты символического и образного значения. Ее накопление считается следствием распространения ценностей и норм поведения в виде идей и дискурсов, определяющих ее смысл как «способность влиять на поведение других для достижения желаемых результатов» [29, р. 2].

Содержание «мягкой силы» обычно сопровождается понятиями «имидж», «репутация» и «бренд», относящимися к символическому капиталу и нематериальной стоимости определенных ценностей. Применительно к территориально-политическим образованиям эти категории выступают основным нематериальным капиталом их влияния, выражающимся в конкурентоспособности. Основные ресурсы достижения «мягкой силы» лежат прежде всего в сферах культуры, идеологии, туризма, институциональных традиций, позитивной модели внутреннего управления, политической стабильности, культурной дипломатии. Характерной чертой «мягкой силы» является то, что она не применяется напрямую, а служит следствием результирующего эффекта различных общественных мероприятий и инициатив в процессе организации потенциала пространства. Навязчивое использование одних и тех же ресурсов считается вариантом «жесткой силы», поскольку оно осуществляется под давлением агитации, принуждения, манипуляции [30]. В этом смысле накопление «мягкой силы» – технология трансляции гуманитарных ресурсов посредством соблазнения (подсознательного чувства симпатии) как пассивного инструмента создания положительного образа для внешнего мира.

В определенных случаях «мягкая сила» может быть следствием трансформированной версии «жесткой силы» (экономической, политической и военной силы). Успешная экономическая модель стран в виде образца для подражания является разновидностью «мягкой силы». В основе этого типа силы лежит качество жизни, инвестиционная привлекательность, репутация экспортных товаров, известность национальных брендов, харизма лидеров, за которыми традиционно стоят «твердые» экономические и политические структуры. Устойчивый политический режим, основанный на определенных ценностях, повышает авторитет и лидерские качества государств в международном сообществе, наделяя их ролью посредников в урегулировании конфликтов и кризисных ситуаций. Демонстрация военной мощи третьей стороной в форме учений, парадов и выставок может стать источником восхищения. Именно по этой причине «мягкая сила» воспринимается как «железный кулак в бархатной перчатке» [31, с. 17].

В гибридном варианте сочетание «мягкой силы» и «жесткой силы» известно как «умная сила» [30]. В геополитическом плане «умная сила» направлена на достижение рационального баланса в продвижении национальных интересов на международном уровне в форме контекстного интеллекта [30, с. 346]. Его содержание понимается как способность трансформировать имеющийся потенциал пространства, отвечая на вызовы современного геополитического взаимодействия, или, другими словами, способность отвергать случайное, воспринимать разницу между видимой и воображаемой реальностью различных явлений, видеть глубину конфликтов и противоречий в современном мире [32].

Геополитический эффект «мягкой силы» – способ отложенного влияния посредством гибких инструментов в социальной и гуманитарной сферах, а в течение последних десятилетий и за счет возможностей,

предоставляемых информационными технологиями. С XX в. и до настоящего времени США являются флагманом в достижении «мягкой силы»: международного финансового престижа, лучшего образования, развитой массовой культуры, лидерства брендов потребительских товаров и информационных технологий и т. д. По мнению Дж. Ная, именно дефицит в накоплении и распределении «мягкой силы» Восточного блока во времена холодной войны стал причиной его распада, а впоследствии и СССР, который не уделял достаточного внимания ее накоплению, «проиграв битву в массовой культуре с Западом» [29, р. 74]. В этом отношении западная музыка, мода, кинофильмы и шоу культивируют имеющую широкую популярность среди общественных масс социалистических стран имиджевую привлекательность, размывая идеологические основы Восточного блока. «Мягкая сила» США характеризуется существенным влиянием на их геополитический образ даже после окончания холодной войны. С ним тесно связаны гуманитарные технологии и политические явления, такие как права человека, демократические интервенции и цветные революции, которые транслируют ценности и стереотипы среди общественных масс международного сообщества для продвижения своих геополитических интересов.

За последние 40 лет геополитический рост глобального присутствия Китая в значительной степени подпитывался его увеличивающимся потенциалом «мягкой силы». Неоспоримым свидетельством служат успехи китайского экономического чуда, навсегда повысившего благосостояние народа и международный престиж страны; сеть образовательных центров «Институты Конфуция»; растущий международный интерес к китайской литературе, философии, кухне, боевым искусствам, традиционной медицине. «Мягкое» геополитическое присутствие таких стран, как Германия и Япония, традиционно связано с технологическим прогрессом и высокой репутацией политического управления. Туризм как геополитический инструмент является основой накопления «мягкой силы» для Италии, Франции, Испании, Греции и Турции.

Особенно заметен эффект накопленной «мягкой силы» в небольших государствах, имеющих ограниченные ресурсы для геополитической экспансии и доминирования. Благодаря сочетанию элементов, подчеркивающему рациональную организацию своего пространства, такую как дипломатическая изысканность, привлечение международных институтов, финансовая и политическая стабильность, экологические стандарты качества и инновационная деятельность, экспорт культуры, имидж бренда, проведение спортивных и культурных мероприятий, они характеризуются выдающимися достижениями внешнего влияния и международного присутствия. За счет «мягкой силы» такая геополитическая субъектность свойственна Южной Корее, Сингапуру, Швейцарии, Норвегии, Финляндии, Люксембургу, Эстонии, Катару и ОАЭ.

Накопление «мягкой силы» странами усиливает и расширяет их геополитический вес, что неизбежно влияет на защиту политических и экономических интересов во взаимодействии с внешним миром. Широкие возможности достижения воздействия и внешней привлекательности раскрываются культурно-гуманитарной деятельностью, связанной с увеличением значения культурного наследия, стимулированием межкультурного диалога, повышением образовательных стандартов, укреплением туристической известности, развитием экономики событий и т. д.

Заключение

Геополитика направлена на пространственную идентификацию форм власти и силы различных субъектов с относительной континуальностью во времени. Данная особенность определяется путем отслеживания тенденций в поведении геополитических субъектов и закономерностей проявления факторов достижения силы. Аналитическое объяснение геополитики также включает интересы тех, кто выражает власть; средства, используемые для достижения власти и силы; масштаб возможностей и потребностей. Однако задача геополитики состоит в том, чтобы раскрыть значение тех атрибутов, которые формируют устойчивость и наиболее сильно влияют на поведение сообществ, выражающих пространство. Таковыми могут быть потребности в защите, социальной дисциплине, открытости или консерватизме по отношению к внешнему миру, а также в технических возможностях, культурном мессианизме, подпитывающем исторический миф экономического буме, военном потенциале и т. д. [33; 34]. Амбиции сообществ превращают выражающие их территориальные образования в глобальные или региональные геополитические силы или в объекты геополитики внешних гегемонов.

Главный вывод настоящего исследования заключается в том, что с вступлением человечества в информационную эпоху и вызванным изменением средств геополитического взаимодействия закономерно меняется отношение территориально-политических образований к масштабам своей силы и власти в пространстве. Глобальная информационно-коммуникационная система утверждает себя как мощный инструмент трансформации поведения общества. С помощью нее происходит изменение геополитических представлений о мире [35; 36]. Стремление субъектов, особенно государств, аккумулировать «мягкую силу» посредством дискурсов и образов ограничивает значимость традиционных составляющих их геополитической мощи: выгодного географического положения, территориальных, экономических, военных и демографических ресурсов. Значение геополитических образов пространства, выражаю-

щих мощь стран в соперничестве, доминировании и зависимостях, перенаправляет геополитику к изучению видения мира в его отсроченном символизме и стереотипных представлениях.

Из-за латентных процессов и не реализованных в истории возможностей объяснение в геополитике не всегда однозначно. Его нельзя грубо шаблонизировать и сводить к упрощенным трактовкам времен классического периода. Объяснение в геополитике также требует диалектики, а на ее основе – гипотез, сценариев, прогнозов. Сохранят ли США свою гегемонию? Будет ли прямая конфронтация между США (НАТО) и Россией или Китаем? Как далеко зайдет Россия на пути защиты русского мира? Где будущее Турции: в Европе, на Ближнем Востоке, в пантюркистской идеологии? Сможет ли Германия освободиться от американской зависимости? Каков статус ЕС – региональная (мировая) сила или вассал США? Какое место в многополярном мире занимают Индия, Иран и Бразилия? Произойдет ли изменение геополитической ориентации Болгарии? Однозначного ответа с геополитической точки зрения на названные выше вопросы нет.

Библиографические ссылки

1. Antonsich M. Geografia politica e geopolitica in Italia dal 1945 ad oggi. *Quaderni del Dottorato di Ricerca in Geografia politica*. 1996;2:1–97.
2. Колосов ВА, Мироненко НС. *Геополитика и политическая география*. Москва: Аспект Пресс; 2002. 479 с.
3. Jean C. *Manuale di geopolitica. Quarta edizione*. Roma: Laterza; 2007. 348 p.
4. Marconi M, Ernesto Massi e Karl Haushofer: la scienza alla conquista della politica. *Geopolitica*. 2016;5(1):61–122.
5. Dodds K. *Il primo libro di geopolitica*. Torino: Einaudi; 2023. 173 p.
6. Lizza G. *Gli orizzonti della nuova geopolitica. Verso il 2050*. Torino: UTET; 2021. 176 p.
7. Cattana A, Nesci MT, redattori. *Italiano compatto: dizionario della lingua italiana*. Bologna: Zanichelli; 2017. 960 p.
8. Agnew J, Livingstone DN, editors. *Handbook of geographical knowledge*. London: Sage; 2011. Space and place; p. 316–331.
9. Замятин ДН. *Власть пространства и пространство власти. Географические образы в политике и международных отношениях*. Москва: РОССПЭН; 2004. 352 с.
10. Schmitt C. *Staat, Großraum, Nomos. Arbeiten aus den Jahren 1916–1969*. Maschke G, Herausgeber. Berlin: Duncker & Humblot; 1995. 668 S.
11. Ян Э. Что такое геополитика? *Мировая экономика и международные отношения*. 2014;4:90–101. EDN: SCMXPT.
12. Turco A. Pragmatiche della territorialità: competenza, scienza, filosofia. *Bollettino della Società geografica italiana*. 2000;11(11):11–22.
13. Крыстев В. Образное видение пространства в геополитике: подход к изучению. *Журнал Белорусского государственного университета. География. Геология*. 2021;1:23–34. DOI: 10.33581/2521-6740-2021-1-23-34.
14. Хънтингтън С. *Сблъсъкът на цивилизацията и преобразуването на световния ред*. София: Обсидиан; 1999. 528 с.
15. Harvey D. *The condition of postmodernity: an enquiry into the origins of cultural change*. Oxford: Blackwell; 1989. IX, 378 p.
16. Soja EW. *Postmodern geographies: the reassertion of space in critical social theory*. London: Verso; 1990. 228 p.
17. Settis S. *Paesaggio, costituzione, cemento. La battaglia per l'ambiente contro il degrado civile*. Torino: Einaudi; 2010. 326 p.
18. Abler R, Adams JS, Gould P. *Spatial organization: the geographer's view of the world*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall; 1971. 587 p.
19. Jones M, Jones R, Whitehead M, Woods M, Dixon D, Hannah M. *Introduzione alla geografia politica. Spazi, luoghi, politiche*. Torino: UTET; 2021. 207 p.
20. Conti S, Giaccara P, Rossi U, Salone C. *Geografia economica e politica*. Milano: Pearson; 2014. 215 p.
21. Бусыгина ИМ, Окунев ИЮ. Пространственное распределение силы и стратегии государств, или Что и как объясняет геополитика. *Полис. Политические исследования*. 2014;2:106–123. DOI: 10.17976/jpps/2014.02.08.
22. Dalby S. American security discourse: the persistence of geopolitics. *Political Geography Quarterly*. 1990;9:171–188. DOI: 10.1016/0260-9827(90)90017-5.
23. Dalby S. Critical geopolitics: discourse, difference, and dissent. *Environment and Planning D: Society and Space*. 1991;9(3): 261–283. DOI: 10.1068/d090261.
24. O'Tuathail GO, Agnew J. Geopolitics and discourse: practical geopolitical reasoning in American foreign policy. *Political Geography*. 1992;11(2):190–204.
25. O'Tuathail GO. Understanding critical geopolitics: geopolitics and risk society. *Journal of Strategic Studies*. 1999;22(2–3): 107–124. DOI: 10.1080/01402399908437756.
26. Sharp JP. Publishing American identity: popular geopolitics, myth and the reader's digest. *Political Geography*. 1993;12(6): 491–503. DOI: 10.1016/0962-6298(93)90001-N.
27. Окунев ИЮ. Географическое воображение как предмет исследования критической геополитики (обзор). *Политическая наука*. 2009;4:126–137.
28. Замятин ДН. Геократия. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации. *Полис. Политические исследования*. 2009;1:71–99.
29. Nye J. *Soft power. The means to success in world politics*. New York: Public Affairs; 2004. 191 p.
30. Най ДжС. *Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век*. Верченко ВН, переводчик. Москва: АСТ; 2013. 444 с. (Политика).
31. Паршин ПБ. *Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России*. Орлов А, редактор. Москва: МГИМО – университет; 2013. 38 с.
32. Неймарк МА. *«Мягкая сила» в мировой политике*. Москва: Дашков и К°; 2019. 272 с.
33. Cristini G. *Geopolitica. Capire il mondo in guerra*. Milano: Piemme; 2023. 224 p.
34. Cerreti C, Marconi M, Sellari P. *Spazi e poteri. Geografia politica, geografia economica, geopolitica*. Bari: Laterza; 2019. 424 p.
35. Agnew G. La nascita della geopolitica critica. In: Boria E, Marconi M, redattori. *Geopolitica. Dal pensiero all'azione. Spazio e politica in età contemporanea*. Roma: ARGOS; 2022. p. 412–427.
36. Boria E. La cassetta degli attrezzi della geopolitica. In: Boria E, Marconi M, redattori. *Geopolitica. Dal pensiero all'azione. Spazio e politica in età contemporanea*. Roma: ARGOS; 2022. p. 700–741.

Получена 24.06.2025 / исправлена 02.09.2025 / принята 16.09.2025.
Received 24.06.2025 / revised 02.09.2025 / accepted 16.09.2025.